

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ: ТАИНСТВО И ПРОБЛЕМА

Участники: *В.В. Знаков, Н.А. Касавина*
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт психологии РАН. Российская Федерация, 129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13; e-mail: znakov@psychol.ras.ru

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kasavina.na@yandex.ru

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Исследовательский интерес к специфике экзистенции обусловлен общим процессом гуманизации знания. Понятие экзистенциального опыта в современной литературе все отчетливее обретает статус междисциплинарной категории, которая связана с формированием целостного видения природы и исторического развития человека в контексте современной культуры. В центре дискуссии – проблема понимания экзистенциального опыта как сферы переживания, «таинства», открывающей непосредственный контакт человека с миром; как непрерывного и проблемного процесса самопонимания экзистирующего субъекта, его конституирования в мире в отношении к культурным смыслам и ценностям; как создания личностью онтологии экзистенции – временного горизонта бытия – собственной личной истории, позволяющей интегрировать ее ситуации, события, смыслы и ценности как фрагменты единой судьбы в контексте связи прошлого, настоящего и будущего. Феномен экзистенциального опыта интерпретируется с опорой на идеи экзистенциально-ориентированной философии и психологии, произведения художественной литературы.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, экзистенция, человек, опыт, таинство, проблема, временность, конечность, непостижимость, смысл

Синеокая Ю.В. Дорогие коллеги, я рада приветствовать вас сегодня на очередной встрече в рамках цикла «Реплики» совместного проекта Института философии Российской академии наук и библиотеки им. Ф.М. Достоевского – «Анатомия философии: как работает текст». Наши гости – исследователи, работающие в двух разных сферах гуманитарного знания: философ Надежда Александровна Касавина и психолог Виктор Владимирович Знаков.

Диалог, который прозвучит сегодня, будет междисциплинарным, это тем более интересно потому, что речь пойдет о проблеме, близкой каждому из нас, об экзистенциальном опыте.

Касавина Н.А. Мне хотелось бы начать наш разговор с вопроса о том, что есть экзистенциальный опыт? Отвечая на него, я буду обращаться к размышлениям М. Пруста, М. Мамардашвили, Г. Марселя, в работах которых этот вопрос ставился, а представленные их авторами интерпретации диалогичны, созвучны друг другу.

Экзистенциальный опыт – прежде всего переживание, которое отражает контакт субъекта с миром и связано с обнаружением данностей существования, во многом трагических, с наполнением этих данностей формами творческого отношения к миру. Постигание этого своеобразного переживания и сопряженного с ним понятия экзистенции является предпосылкой понимания специфики экзистенциальной философии и экзистенциального представления о человеке.

Причастность к миру прежде всего переживается и только потом осознается. Г. Марсель в «Метафизическом дневнике» называет такое глубинное постижение реальности таинством. Это те формы отношения к миру, опыт которых для человека как живого субъекта отличен от сферы «проблемного», рефлексивного. Это опыт поглощающих чувств, состояний, опыт чрезвычайно значимых событий и отношений.

Таинство переживается. Произведения Пруста удачно высвечивают экзистенциальный опыт прежде всего как совокупность переживаний и даже «параллельную» реальность, часто не связанную с рациональной стороной жизни человека: воспоминания, сны, которые навевают чувства, внезапно приходящая грусть или радость. Пруст воспроизводит переживания в наиболее чистом виде, освобождая их от излишней рефлексии, оформляя их богатым языком, избегая сюжетных конструкций. Для него это – способ восстановить «утраченное время», восстановить содержание и значение впечатления, знака, мимолетного чувства... Это то, что М. Мамардашвили называет «живой опыт», говоря о текстах Пруста.

Экзистенциально мыслить или думать – значит научиться заново видеть, возвести, подобно Прусту, в разряд привилегированных каждый образ, чувство или идею. Мамардашвили следует за Прустом и говорит об экзистенциальном опыте прежде всего как о наборе переживаний, о стихийном видении, восприятии жизни, внутренней душевной жизни, которую личность пытается сама себе пояснить, усвоить, означить. Тексты Пруста воспринимаются как путешествие, путешествие в себя, путешествие в мире через себя, путешествие в свое прошлое, его воссоздание и понимание. И экзистенциальный опыт предстает как путешествие личности в свой собственный внутренний мир через передачу спонтанного, уникального, живого переживания.

Переходя к другому смысловому оттенку понятия экзистенциального опыта, связанного с его проблемно-рефлексивной частью, мне хочется обратиться к идеям Г. Марселя, который на страницах своих произведений проблематизирует идею значимости переживаний и дискутирует с Прустом. Он описывает один конкретный случай: свой визит к больному другу, выраженное в этой связи чувство сострадания, которое при следующих встречах было утрачено вследствие обреченности больного. Сама утрата этого чувства огорчает Г. Марселя. «Эта тишина во мне странно отличается от крика сострадания, который поднимался в моем сердце; однако она не кажется

мне совсем загадочной. Я в состоянии обнаружить в себе, даже в смене моих настроений, достаточное объяснение. Но зачем? Пруст прав. Мы для самих себя не свободны; есть некая часть нашего существа, которая иногда становится нам доступной силою каких-то странных и, возможно, не совсем осмысленных нами обстоятельств. Ключ дается нам на мгновение. Через несколько минут дверь вновь закрывается, ключ исчезает. Я должен с грустью признать, что это так»¹.

Марсель далее обращается к важности личностных усилий и смыслов, которые позволяют человеку обрести власть над переживаниями. В жизни человека наступает момент, когда он должен возвыситься над переживаниями, чтобы занять осмысленную позицию по отношению к происходящему и вынести тяготы существования. Эта позиция связана с верностью, принятием обязательства, обещанием, направлением переживания, ответственностью, а не просто с созерцанием. Нельзя полагаться на мимолетное переживание, над которым человек не только не властен, но даже зачастую не способен его понять.

В контексте этих сомнений и размышлений Г. Марселя вспоминается идея, отчетливо высказанная представителем современной экзистенциальной психотерапии А. Лэнгле: эмоциональные состояния не способствуют последовательной ориентации, связанной с ключевыми жизненными решениями личности. Они скорее инициируют осмысление и принятие решений². Переживания нуждаются в осмыслении, категоризации, структурировании, чтобы стать *значимыми элементами экзистенциального опыта*, который сам организует бытие человека. Для этого субъективный поток переживаний должен быть оформлен, собран. Переживание выполняет конституирующую роль в процессе становления человека, когда оно трансформируется в смысл, обозначается, фиксируется в языке и общении.

В этой связи интересно провести различие между дневником и автобиографией как жанрами, связанными с описанием человеком собственной жизни. Дневник отражает сегодняшние переживания, насыщен событиями и чувствами. Автобиография – нить судьбы, протягиваемая человеком, выстроенная им линия жизни, творчества, когда события и свое отношение к ним не просто фиксируются, но в рассказе конструируется жизнь как нечто целое, показывается ее внутренняя динамика, связь с социальными и культурными событиями, влияние людей и внешних обстоятельств.

Дневник и автобиография отражают разные грани экзистенциального опыта как, с одной стороны, проживания текущих событий, а с другой, формирования человеком своего жизненного пути как целого, в котором большую роль играют личностные интерпретации жизненных смыслов, индивидуальные усилия и решимость к «собираанию» своей судьбы.

Г. Марсель в своих размышлениях о верности и ответственности не одобряет идеи обретенного времени Пруста. «Сегодня днём размышляю... что единственная возможная победа над временем, по-моему, состоит в верности. Не существует привилегированного состояния, которое позволяло бы преодолеть время: ошибка Пруста заключается в том, что он этого не понял. Описанное им состояние есть в действительности не что иное, как западня времени. Это понятие “западня времени”, как я чувствую, будет играть все более и более важную роль в моих размышлениях»³.

¹ Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск, 1994. С. 43.

² См.: Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков, 2011. С. 31.

³ Марсель Г. Быть и иметь. С. 7.

Марсель поднимает темы абсолютных ценностей, веры, ответственности, в которых акцентировано не просто отношение к иному, а отношение с позиции смирения, преклонения, уважения, признания другого. Это переживание и осмысление происходящего уже на другой высоте смыслов человеческого общения. «Странно, – но, однако, так ясно, – что я могу продолжать верить только при условии, что буду выполнять свое обязательство. Это удивительным образом связано. Можно переживать и сознавать свои переживания, интерпретировать их, но я должен и принимать за что-то ответственность, не просто следить за течением жизни. Путь имеет цель»⁴.

Эти мысли чрезвычайно важны для понимания экзистенциального опыта. Принятие ответственности есть выражение следования ценностям, что позволяет жизни не просто «течь», а быть для личности осмысленным путем становления. Здесь мы имеем дело с особой смысложизненной гранью экзистенциального опыта, в котором решаются главные проблемы существования – жизни, смерти, одиночества, сопричастности, призвания, веры. Эта грань связана во многом с рефлексивным мышлением, с проблемой, она помещается перед человеком как нечто, требующее формирования определенного отношения. В таинство человек вовлечен, проблему должен решить или решать. В этом смысле экзистенциальный опыт как проживание и переживание есть таинство, но как понимание – проблема. Его можно исследовать как синтез жизненных переживаний и концептуальных средств их структурирования и связывания как основы ответственного экзистенциального выбора и принятия решений.

Синеокая Ю.В. Прежде чем передать микрофон Виктору Владимировичу, мне хотелось бы отметить, что Надежда Александровна подняла существенную проблему, касающуюся важных экзистенциальных жанров: дневника и автобиографии. До рубежа XIX–XX вв. в философской традиции было принято излагать мысли «от лица» обезличенного, отвлеченного, абстрактного субъекта, лишённого личных переживаний, собственного внутреннего мира. Вкрапление в философский текст персонального опыта или частного жизненного эпизода воспринималось как нонсенс, вызов канону, нечто скандальное и чуждое философскому дискурсу, то, что должно было быть безжалостно изъято из него. Лишь к концу XIX столетия экзистенциальные сюжеты в качестве маргиналий все чаще проникают в философские тексты. Пионерами экзистенциального жанра в философии были Монтень, Кьеркегор, Ницше, подвергавшиеся критике со стороны современного им респектабельного философского сообщества. Именно этим мыслителям мы обязаны тем, что «Я» в философии обрело индивидуальные черты страдающего, сомневающегося в себе, ищущего человека, перестав быть безликой абстракцией провозглашающей миру истины.

Знаков В.В. То, что сегодня мы обсуждаем проблему экзистенциального опыта в контексте философии и психологии, совсем не случайно. Философия поднимает самые широкие, фундаментальные пласты проблематики, связанной с культурой, развитием человечества. Для психолога очень важно описать любую категорию в таких терминах, чтобы потом её можно было каким-то образом исследовать.

В наше время в социогуманитарных науках происходит становление нового этапа познания, на котором во многих исследованиях ключевую роль играет анализ не сознания, познания и знания, а интегративного феномена

⁴ Марсель Г. Быть и иметь. С. 14–15.

опыта – индивидуального и надличностного. Практически все науки обращаются к категории опыта, который отражает онтогенез каждого из нас, и потому он оказывает формирующее влияние на становление человеческой субъектности. Как говорит Ф. Анкерсмит, повторное открытие опыта – это повторное открытие субъекта, и наоборот. Одно влечет за собой другое. Сегодня для всех нас очевидно, что познание невозможно без познающего субъекта и любое объективное знание включает в себя субъективные составляющие. Одной из них является опыт. Опыт становится основой предварительного понимания ситуаций человеческого бытия. Он не подменяет собой достоверного знания, но в отличие от знания опыт не требует проверки на истинность. Неудивительно, что в психологии человеческого бытия категория «опыт» рассматривается как краеугольный камень субъектного подхода.

Я хочу уточнить, что имеют в виду психологи, когда говорят об экзистенциальном опыте. Во-первых, это, конечно же, определение этого феномена, связанное с различием повседневного, жизненного и экзистенциального опыта. Во-вторых, следует описать компоненты, из которых состоит наш экзистенциальный опыт. В-третьих, нужно уточнить связь переживания с таким опытом. Она особенно очевидна при переживании террористической угрозы, восприятию чужого человека как друга или врага и в других критических ситуациях человеческого бытия. Здесь для психологов важно и интересно все, что связано с когнитивным и аффективным бессознательным. Для психологии категория экзистенциального опыта важна еще и потому, что мы можем перейти на другой уровень исследования мира человека и включить в свой научный тезаурус понятия, которые раньше присутствовали только в культуре, религии, философии. Я имею в виду созерцание, постижение, непостижимое, тайна.

В современной психологии большое внимание уделяется анализу проблем, которые нельзя понять на основе только рационального знания, когнитивного и ментального опыта – для понимания субъект должен опираться на свой экзистенциальный опыт. Для уяснения сути экзистенциального опыта надо проанализировать роль когнитивного и аффективного бессознательного в понимании людьми критических ситуаций человеческого бытия. В понимании важную роль играют не только осознанные рациональные знания субъекта, но также бессознательное и житейские понятия. Это внепонятийные иррациональные компоненты понимания. Существуют такие сферы человеческого бытия, которые вообще не приемлют рационального познания. В подобных сферах есть коренное противоречие между рациональным знанием, объяснением и глубинными эмоциями, переживаниями. Глубинные установки и предубеждения не опираются на разумные суждения, и потому их невозможно разрушить обычной логикой.

Касавина Н.А. Возвращаясь к вопросу о связи в экзистенциальном опыте таинства и проблемы переживания и процедур осмысления, мне хотелось бы обратиться к следующему вопросу: может ли человек перейти от переживания к осмыслению и упорядочению, принятия верного решения и всегда ли он так может? Доступно ли это? Когда человек захвачен переживаниями, порой ему трудно мыслить и поступать ответственно. Примером может служить ситуация героя в произведении Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». В. Позднышев, осознавая всю ужасность своего поступка, не в силах его предотвратить, оставить возникший порыв наказания и убийства. К осмыслению он переходит уже после совершения убийства, распутывает опыт, хотя должен был это сделать ранее.

На что человеку опереться в этом распутывании? Чтобы распутать опыт, он должен обратиться к культурным архетипам, *внести в опыт* структуру смыслов. М. Мамардашвили говорил, что роль философии состоит в *распутывании*, высказывая это в том числе и в контексте проблемы экзистенциального опыта. Только распутывание приводит к пониманию ситуаций его становления. И форма произведения должна быть такой, чтобы участвовать в распутывании экзистенциального опыта.

Опыт нужно распутать, и для этого нужно иметь инструмент. Для Мамардашвили тексты Пруста и являются таким инструментом. Текст как составление воображаемой *структуры* является единственным средством распутывания опыта. Человек начинает что-то понимать в своей жизни в зависимости от участия текста в ней; текста или упорядоченного строя смыслов, когда жизнь и опыт обретают определенный контур⁵.

Роль текста, а значит, осмысленного содержания в понимании экзистенциального опыта велика. Более того, текст, размышление, повествование есть часть самого экзистенциального опыта. Текст есть результат анализа опыта, и он его конструирует. Это важный для философского и всякого иного познания момент. Анализ и конструирование смысловой, знаковой структуры есть способ понимания таких сложных и многогранных феноменов, как опыт и жизненный мир, которые, как и всякие естественные, стихийно формирующиеся, эмерджентные явления, нелегко поддаются концептуализации.

Формирование понятия экзистенциального опыта в истории философии осуществлялось на стыке таких проблем, как непосредственность, уникальность, спонтанность личного переживания, с одной стороны, и его зависимость от обусловленных социумом и культурой, объективированных традиций, ценностей и норм, с другой.

Например, на оппозицию экзистенции и объективности указывали многие мыслители, отмечая необъективируемость экзистенциального опыта. Узкая трактовка экзистенциального опыта как невыразимого при помощи рациональных категорий переживаний индивида встречается в работах Н.А. Бердяева, который, критикуя М. Хайдеггера, утверждал, что тот «захотел выразить проблемы экзистенциальных философов в категориях академической рациональной философии. Он налагает рациональные категории на экзистенциальный опыт, к которому они неприменимы»⁶. Объект для Н.А. Бердяева означает исчезновение экзистенциальности.

О. Больнов в работе «Философия экзистенциализма» (Existenzphilosophie) в главе под названием «Экзистенциальный опыт» пишет о такой глубинной, не могущей быть проясненной сфере экзистенциального существования. За пределами того, чем человек обладает в качестве мышления и душевных способностей, этических правил и социальных навыков, характера, всегда содержится нечто глубинное и не обнаруживающееся во всех этих феноменах. Если представить, что человек может по-настоящему внутренне пройти до конца весь этот путь приобретенного опыта, то высвободившееся в нем за счет «осаждения» мыслимых содержательных свидетельств и явится опытом существования в строгом экзистенциально-философском смысле.

Такое видение – очень важный этап становления экзистенциальной философии, ее предмета, который сегодня дополняется другим этапом. На первый план выходят культурно-исторические параметры жизненного мира, измерения культуры, осуществляется интеграция философских и гуманитарно-

⁵ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб., 1997. С. 11.

⁶ Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб., 2013. С. 122.

научных подходов к экзистенциальному опыту. Ценностная интерпретация экзистенциального опыта сегодня активно предлагается социально-гуманитарными науками, тем самым обеспечивая изучение и возможности практической работы с экзистенцией. Подход, который разрабатывает В.В. Знаков, – яркий тому пример.

Кроме того, современные эпистемологические подходы к проблемам сознания, самосознания и опыта предполагают их культурно-историческую обусловленность. Субъективное выступает не столько как изначально данное, сколько как создаваемое субъектом в коммуникативных взаимодействиях с другими людьми в рамках определенной исторически данной культуры (В.А. Лекторский). Выделение «внутреннего опыта» в качестве самостоятельного, согласно Лекторскому, сомнительно. То, что представляется объектами «внутреннего опыта», может пониматься как элементы или звенья ориентации во внешнем мире⁷. Это еще одно напоминание о том, что экзистенциальный опыт не формируется и не заключается только внутри человеческого «Я». Он – в сопряжении, на стыке, в совпадении или противостоянии человека и мира, «самобытие» в мире.

Таким образом, категория экзистенциального опыта обладает культурно-антропологическим, социокультурным значением, и в этом можно усмотреть современный ракурс этой проблемы и возможность ее научного изучения.

Знаков В.В. Почему экзистенциальный опыт нас так интересует? В экзистенциальном опыте сконцентрировано общее знание субъекта о человеческой природе. Такой опыт является важной составляющей экзистенциального интеллекта, который известный американский психолог Г. Гарднер называет «интеллектом больших вопросов». Этот вид интеллекта проявляется в способности человека размышлять о фундаментальных проблемах бытия – жизни, смерти, о существовании в целом. Между тем экзистенциальный опыт нельзя выразить в категориях ни сознания, ни бессознательного. Он представляет собой сплав языка как формы общественного сознания и невербализуемой субъективности, иначе говоря, унифицированного общего в человеке и его трудно выразимой словами индивидуальности.

Для психологической науки принципиально важно различение жизненного и экзистенциального опыта субъекта. Во-первых, в нашей жизни случаются события, в контексте которых воспроизводится предельный опыт. И.Т. Касавин называет их «одноразовыми событиями»: собственное рождение, свадьба, рождение ребенка, начало профессиональной деятельности, потеря родителей, выход на пенсию, смерть супруга или ребенка и т. п. Во-вторых, в повседневной жизни мы встречаемся с друзьями, сослуживцами и незнакомыми людьми; работаем, уезжаем в командировки и отпуск; узнаем о событиях в стране и мире и т. п. Эти обычные события и ситуации человеческого бытия пополняют и расширяют багаж жизненного опыта. Однако знания и воспоминания далеко не обо всех из них оказываются включенными в экзистенциальный опыт субъекта.

Экзистенциальный и жизненный виды опыта следует различать по наличию или отсутствию в структуре опыта метасистемной организации, а также по оценке субъектом событий и ситуаций человеческого бытия либо как привычных, либо как критических, резко отличающихся от повседневных.

Экзистенциальный опыт по отношению к жизненному является метасистемным, это «опыт второго порядка». Экзистенциальные события представляют собой такие осмысленные, понятые, оцененные субъектом факты и яв-

⁷ Лекторский В.А. Опыт // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 159.

ления человеческого бытия, к которым он не может остаться равнодушным. Неудивительно, что экзистенциальными для субъекта становятся далеко не все повседневные события и ситуации, которые он помнит. Экзистенциальные – только события, оказавшие на человека сильное влияние, в процессе осмысления и понимания которых изменился его внутренний мир. Очевидно, что некоторые события приобретают для нас экзистенциальное значение лишь после осмысления, оценки, понимания того, что сначала могло показаться малозначимым и не имеющим непосредственного отношения к нашей жизни. И только рефлексия, сопоставление, умозаключения позволяют осознать не сиюминутный характер, а непреходящий экзистенциальный смысл произошедшего.

Большую вероятность превращения в экзистенциальные имеют критические события, выходящие за пределы жизненного опыта человека. Естественно, что такие события (неизлечимая болезнь, утрата близких, страх смерти у летчиков-испытателей или обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы) эмоционально очень нагружены и имеют большие шансы повлиять на внутренний мир субъекта. Однако то, станет ли событие критическим и экзистенциальным для субъекта, определяется не только перечисленными выше объективными факторами: важную роль играет соотношение объективных жизненных обстоятельств и субъективного восприятия и понимания их как простых, обыденных или сложных, труднопреодолимых.

Теперь о том, из каких компонентов состоит экзистенциальный опыт. Первым компонентом экзистенциального опыта является неявное знание, которое не может легко быть передано другим. Психологам давно и хорошо известны понятия «скрытого знания», «молчаливого знания», «имплицитного знания». Все они характеризуют принципиальную невозможность вербализации всего того, что мы знаем.

Второй компонент экзистенциального опыта – интенциональный. В психике субъекта он представлен интенциональными структурами, определяющими направленность и избирательность индивидуальной психической активности. Здесь речь идет об изучении интеллектуальных интенций – особых субъективных состояний, состояний направленности ума.

Наконец, третий компонент экзистенциального опыта – этический. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, помогающим человеку не только выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их. Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную невозможность полного осознания морально должного. Далеко не все моральные правила и нормы осознаваемы. Более того, некоторые из них, по мнению М. Хаузера и других ученых, являются врожденными. Хаузер развивает научные представления, согласно которым во многих случаях основания моральных решений являются неосознанными, интуитивными.

Касавина Н.А. Очень важный контекст в понимании экзистенциального опыта – рискованность, «безнадежность», трагичность человеческого существования, осознание человеком своей неизбежной конечности. Для понимания роли этого осознания можно обратиться к рассказу Х.Л. Борхеса «Бессмертные». Умиравший всадник поведал главному герою – трибуну в легионе при императоре Диоклетиане – о том, что на его родине верят в существование реки, чьи воды дают человеку бессмертие. Наш герой решил отыскать эту реку. Путь его был долг и лежал через пустыню. На исходе сил, почти без сознания от жажды, один, он нашел странный город, нелепо

выстроенный в виде лабиринта. Блуждание по нему убедило героя в его безобразности и полной бессмысленности. Недалеко от города жило странное племя нагих неопрятных людей, не владевших речью, равнодушных друг к другу. Позже герой понял, что они и есть бессмертные, утратившие интерес к смыслу, общению, цели, остановившиеся лишь на созерцании и своем внутреннем «Я». Их жизнь, свободная от смерти и культуры, стала пустой. Взгляд на мир как на систему, где все повторится и компенсируется, привел к утрате ценностей. Бессмертные потеряли способность к состраданию, их не интересовала собственная судьба.

Нарисованная Борхесом картина обращает к идее *временности* человеческого бытия, проблеме смерти и поиска путей ее разрешения – *границам* существования, что и было поставлено в экзистенциальной философии в центр экзистенции. Проблема смысла жизни обязана временности человеческого бытия, обнаруживает необходимость ориентиров, целей и результатов, в которых не только переживается, но и оправдывается существование.

Экзистенциальное существование предоставлено личному бытию в качестве его глубокой бытийной возможности, которой человек обладает не от «природы», но которая дана ему в качестве требующей своей реализации задачи. Свою максимальную остроту проблема экзистенциальной временности обретает только перед лицом смерти. Конечность является таким пределом, который препятствует гармоничным связям как между человеком и миром, так и между различными сторонами в человеке, тем самым удерживая последнего в постоянном напряжении, решимости, вовлеченности. В экзистенциальной философии конечность постигается не только как крайне болезненный опыт, объясняющийся наличием границы всех человеческие желаний и возможностей, но и как постоянный источник личностных изменений и достижений. Временность толкает человека конструировать смысл жизни.

Бессмертные символизируют то, что К. Ясперс назвал «безнапряженным потоплением экзистенции». Но смертный не может это себе позволить, он должен сделать что-то осмысленное в рамках того времени, которое ему отпущено.

При этом экзистенциальный опыт имеет *рекурсивную* природу, он никогда до конца не пережит, его паттерны повторяются в разных вариантах. Экзистенциальный опыт связан с историей жизни, которая никогда не дописана до конца. Он разворачивается в горизонте взаимодействия прошлого, настоящего и будущего. Прошлое «меняет окраску», меняет, по словам Г. Марселя, даже «свою субстанцию» по мере того, как человек живет, как его жизнь подходит к концу. Человек возвращается к своему опыту – в мыслях и поступках, черпает из прошлого, переоценивает его. Здесь вспоминается строка Поля Валери: «Мои чувства приходят ко мне издалека»⁸. Мамардашвили использует эту фразу, для того чтобы показать, обращаясь к Прусту и Фолкнеру, что «человек есть существо далекого»⁹, его наличное состояние есть результат длительной цепочки событий, переживаний, становления смыслов. Личность в процессе становления накапливает экзистенциальную культуру, наращивает культурные ресурсы понимания себя и своего места в жизни.

Прошлое личности есть обращенный к ней призыв, на который она должна ответить в соответствии с тем, чем она является сейчас. В этом состоит экзистенциальная ценность прошлого. Прошлое определяет настоящее как в плане несущей основы, так и в плане стесняющего предела. Фактичность

⁸ Valéry P. Œuvres. Т. II. Paris, 1960. P. 1514.

⁹ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. С. 20.

прошлого нельзя изменить, но человеку предстоит в течение всей жизни определять и переопределять *смысл* произошедших событий – смысл, который связывает, синтезирует, конструирует и одновременно распутывает, расставляет акценты, обеспечивает аналитический взгляд. «И это должен сделать я сам, пока остаюсь живым, как если бы я должен был постоянно пропускать сквозь себя это прошлое, являющееся моим именно потому, что я должен сообщить ему его смысл»¹⁰. Смысл жизни обретается по мере осмысления человеком своей истории и создания личного мифа, где есть место предназначению, призванию и судьбе.

В свою очередь, будущее является не тем, что должно наступить однажды в какой-либо последующей временной точке. Оно является направлением человеческого поведения, постоянным формирующим фактором по отношению к настоящему. Это ключевой момент хайдеггеровской феноменологии истории. История как прошлое имеет свои корни в будущем. Из будущего, где обретается смысл истории и, значит, собственная судьба, обретает значение и прошлое как историческое событие.

Таким образом, временность обретает особенное значение в экзистенциальном понимании человеческого опыта. Будущее, прошлое и настоящее являются теми тремя направлениями, в которых осуществляется становление человека и на основе которых конституируется настоящее мгновение.

Историчность экзистенциального опыта можно понимать как непрерывную попытку удержания личностью своей судьбы в единстве между возможностями и необходимостями прошлого и будущего. Историчность связана с решимостью по отношению к возможностям собственного существования и открытию судьбы, решимостью, которой бессмертным недостает или она им просто не нужна.

Образ судьбы отражает стремление человека к целесообразности и упорядоченности жизни, ее смыслу и определенности. Личность создает линию судьбы, связывая единой нитью эмпирическое многообразие событий и стремясь найти в повседневности уникальную закономерность, смысл своей собственной личной истории. Проблема смысла жизни наиболее значима для исследования экзистенциального опыта. Эта составляющая внутреннего мира отражена в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего смысл своего бытия в мире. Человек распутывает свой опыт, внося в произошедшие с ним события особый смысл. Человек распутывает опыт, создавая свою историю и свою судьбу.

Таким образом, экзистенциальный опыт можно рассматривать через следующие его формы: сфера переживания, «тайнства», открывающая непосредственный контакт человека с миром; непрерывный процесс самопонимания экзистирующего субъекта, понятый как его конституирование в мире в отношении к культурным смыслам и ценностям; конструирование личностью онтологии экзистенции как временного горизонта бытия – собственной личной истории, позволяющей интегрировать ее ситуации, события, смыслы и ценности как фрагменты единой судьбы в контексте связи прошлого, настоящего и будущего.

Знаков В.В. Важной проблемой является вопрос о соотношении экзистенциального опыта с непостижимым и таинственным в нашей жизни. Сейчас в психологии настал момент, когда постижение и непостижимое из философско-литературных категорий переводятся в операционально-эмпирические.

¹⁰ Марсель Г. Взгляд в прошлое // Марсель Г. О смелости в метафизике. СПб., 2012. С. 261.

Непостижимость для человека многих событий и ситуаций определяется невозможностью определения их причин или последствий. Существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. В мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Непостижимость мира человека – это один из атрибутов человеческого бытия. А вот непостижимое для нас оказывается закономерным следствием человеческой психологии.

Одна причина непостижимости некоторых событий и ситуаций заключается в принципиальной невозможности их понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью.

Я хочу уточнить: непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание – это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. Например, в общении принципиальная невозможность полного понимания собеседниками друг друга, в частности, означает осознание ими того, что человек – это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому.

В философии, антропологии, психологии распространенным является мнение о том, что любой человек – это тайна, загадка, без разгадывания которой его невозможно понять. Экзистенциальная сфера нашей жизни обычно строится на отсутствии достоверных знаний или хотя бы согласованных мнений. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятном знании.

И здесь целесообразно выделять два вида тайн – познавательные и экзистенциальные. Содержательно познавательная тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Познавательная тайна – это то, что объективно существует, но недоступно пониманию и объяснению субъекта (по крайней мере, до тех пор, пока не откроются какие-нибудь новые обстоятельства). Для разгадки секрета необходима мыслительная дея-

тельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. Типичным примером когнитивного секрета является юридическое понятие государственной тайны.

С позиций психологии мышления, познавательная тайна – это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков, и потому сознательно отказывается от ее решения.

Что касается экзистенциальной тайны... В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. В такие ситуации субъект включен так, что для психолога чрезвычайно трудно дифференцировать его внутренний мир и внешние обстоятельства, в которых он находится. И здесь речь идет уже о другом, содержательно более глубоком виде тайны. В его основании лежит не познавательное стремление к решению задачи, а, наоборот, осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия. На существование таких очень значимых в жизни любого человека тайн обращали внимание А.Ф. Лосев, А. Мень, Г. Марсель и другие мыслители. Экзистенциальная тайна является атрибутом и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Осознание психологом тайны как экзистенциальной ценности означает признание существования иных, неочевидных и более сложных для научного анализа планов бытия.

Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, ее составляющие. В таинственном не может быть противоречий, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей природе не аналитична, а холистична. Это значит, что, пусть и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (к примеру, пиковыми переживаниями по А. Маслоу – мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т. п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность. Тайна есть неустранимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только на-

ходим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. Тайна обладает для людей экзистенциальной ценностью, ее нужно не разгадывать, а принимать. Экзистенциальная тайна сложнее для понимания и психологического анализа, чем познавательная. С психологической точки зрения она обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

Во-первых, тайна – это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Во-вторых, человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно значимую для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие. В-третьих, таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только редкие, вероятность наступления которых очень мала. Наконец, в-четвертых, таинственные явления оставляют неудовлетворенной познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Главная методологическая проблема при этом заключается в том, что тайна существует в психике субъекта онтологически, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с гносеологической плоскостью рассмотрения этого феномена.

Касавина Н.А. Этот вывод позволяет подвести итоги в отношении поднятой нами сегодня проблемы понимания экзистенциального опыта как таинственного внутреннего мира человека и проблемно-когнитивного решения вопросов, связанных с жизнью и ее смыслом, личностным становлением и развитием.

Виктор Владимирович поднял сегодня много важных вопросов, связанных с освоением и продвижением экзистенциальной проблематики в психологии. То, что мы услышали, является очень ярким подтверждением вклада психологии в операционализацию понятия экзистенциального опыта и такого его понимания, которое направлено на практическую работу с экзистенцией. В том числе на работу с людьми в пограничных ситуациях, учитывая конкретные особенности их жизни. Есть ряд категорий, которые психология заимствует из философии, например категории подлинности или неподлинности бытия, и наполняет своим содержанием, необходимым для практики. На основании этого осуществляется поиск подходов и методов помощи человеку, который переживает ощущение неподлинности существования, способов подведения его к переживанию подлинности, преодоления им критических событий своей жизни. И также есть ряд категорий, разработанных в психологии, например категория исполненной экзистенции, которую использует А. Лэнгле, показывая этапы и способы достижения человеком полноты бытия. Экзистенциальный опыт как предмет изучения – это, конечно, междисциплинарный феномен, и именно междисциплинарная платформа его исследования является наиболее плодотворной на современном этапе развития гуманитарного познания.

Вопрос из зала: Скажите, экзистенциальный опыт как сущность берет свое начало в философии Кьеркегора или он существовал и ранее и был переведен на язык философского сообщества?

Касавина Н.А. Разумеется, как феномен это существовало. Если же говорить о философской концептуализации этого феномена, то мы можем найти разные значимые вехи в истории философии и культуры. Примером могут выступать некоторые работы стоиков, в частности «Наедине с собой» Марка Аврелия, размышления Эпиктета, в дальнейшем – «Исповедь» Августина,

в которых выразился личный смысложизненный поиск их авторов и которые по своему стилю экзистенциальны. Философия, начиная с Кьеркегора, сделала экзистенциальное содержание жизни человека более явным, артикулировала важнейшие экзистенциальные проблемы, поставив их в центр философской мысли.

Вопрос из зала: Можете ли Вы назвать какие-либо критерии истинности экзистенциального опыта?

Знаков В.В. Если вспомнить о соотношении трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной, то проблема истинности касается эмпирической реальности. Именно в отношении эмпирической реальности мы можем делать ложные или истинные утверждения. К социокультурной реальности применим скорее критерий правильности, а к экзистенциальной – критерии правды или верности.

Касавина Н.А. Я этот вопрос понимаю следующим образом. По каким критериям можно судить, что некоторый мой опыт является экзистенциальным? В ходе беседы мы старались показать, что к таким критериям относится наличие переживаний, которые что-то существенно меняют в сознании и жизни человека. При этом неизвестно, когда эти изменения произойдут и отдает ли человек в данный момент себе отчет в том, что в его жизни происходит что-то существенное.

Список литературы

Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, 2013. 413 с.

Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ / Пер. под ред. С. Римского. М.: ИОИ, 2014. 272 с.

Лекторский В.А. Опыт // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3 / Пред. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2001. С. 158–159.

Лэнгле А. Эмоции и экзистенция / Пер. О.А. Шипиловой. Харьков: Гуманитарный центр, 2011. 332 с.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: РХГИ, 1997. 574 с.

Марсель Г. Быть и иметь / Пер. с фр. И.Н. Полонской. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.

Марсель Г. О смелости в метафизике / Пер. с фр. В.П. Визгина. СПб.: Наука, 2012. 409 с.

Valéry P. Œuvres. T. II. Paris: Gallimard, 1960. 1728 p. (Bibliothèque de la Pléiade)

Existential experience: a mystery and a problem

Viktor V. Znakov

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. 13 Yaroslavskaya Str., Moscow, 129366, Russian Federation; e-mail: znakov@psychol.ras.ru

Nadezhda A. Kasavina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kasavina.na@yandex.ru

Julia V. Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

The growth of academic interest in the specific problems of existence takes its roots in the general tendency to humanize knowledge. In modern literature, the idea of existential experience increasingly acquires the status of a multidisciplinary category that is associated with the shaping of a holistic vision of human nature and the historical development of man. The discussion reported in this paper deals with the problem of understanding of this particular kind of experience, which can be perceived as a sort of mystery where a human being is granted the possibility of an immediate contact with the world, or as a continuous and problematic process of self-understanding of existential subject, its constituting itself in the world with regard to cultural meanings and values, or as the making of one's proper ontology of existence – the temporal horizon of one's being – one's personal history, which allows to integrate one's situations, events, meanings and values as fragments of a single destiny in the context of the past, present and future. The phenomenon of existential experience is interpreted on the basis of existentially oriented philosophy, psychology, and fiction.

Keywords: existential experience, existence, experience, mystery, meaning, human person, temporality of being, finiteness, inscrutability of existence

References

Berdyayev, N. A. *Samopoznanie: Opyt filosofskoi avtobiografii* [Self-knowledge: the experience of a philosophical autobiography]. St.Petersburg: Azbuka Publ., 2013. 413 pp. (In Russian)

Binswanger, L. *Ekzistencialnyi analiz* [Existential analysis], trans.; ed. by S. Rimskii. Moscow: IOI Publ., 2014. 272 pp. (In Russian)

Längle, A. *Emocii i ekzistenciya* [Emotions and existence], trans. by O.A. Shipilova. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr Publ., 2011. 332 pp. (In Russian)

Lektorsky, V. A. "Opyt" [Experience], *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New encyclopedia of philosophy], Vol. 3, ed. by V.S. Stepin et al. Moscow: Mysl' Publ., 2001, pp. 158–159. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. *Psihologicheskaya topologiya puti* [Psychological topology of way]. St.Petersburg: RKhGI Publ., 1997. 574 pp. (In Russian)

Marcel, G. *Byt i imet* [To be and to have], trans. by I.N. Polonskaya. Novochoerkassk: Saguna Publ., 1994. 160 pp. (In Russian)

Marcel, G. *O smelosti v metafizike* [On boldness in metaphysics], trans. by V. P. Vizgin. St.Petersburg: Nauka Publ., 2012. 409 pp. (In Russian)

Valéry, P. *Œuvres*, T. II. Paris: Gallimard, 1960. 1728 pp. (Bibliothèque de la Pléiade)